

Здравствуй, дневник! Поздравляю тебя! Ты мой новый единственный друг. Вчерашнего единственного друга я отправила в плавание по Магскве-реке. Плавает он плохо, ныряет скверно, и больше мы не виделись. Позавчерашнего верного друга я бросила в печь. В нём я успела исписать только две страницы. Сейчас твоя очередь узнавать мои секреты.

Мне хочется осмыслить свою жизнь.

Меня зовут Настасья Доморад. У меня серые глаза и тонкие губы. Я ношу очки с тонкими стёклами. Рост у меня сто восемьдесят пять сантиметров. Ещё я ношу высоченные каблуки, так что любой мужчина в лифте едва достаёт мне до плеча. Мужчин это напрягает, я знаю, но мне как-то наплевать. Когда я встречу того единственного, который мне нужен, его это не смутит. Кроме того, мои туфли имеют интересное свойство. Они, как метательная звезда, всегда вонзаются в цель острым каблуком. А если промахиваются, то возвращаются. Ну и магия, само собой, штопорная, первый сорт!

Я худая, нервная, вечно мёрзну. Обожаю огонь — печи, костры, но больше всего, конечно, камин. Люблю свободную одежду и просторные длинные юбки. Никогда не расстаюсь

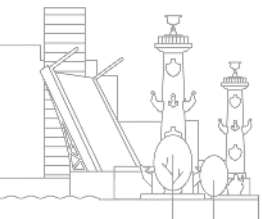

с шёлковым шарфом. Бермята, купивший шарф на барахолке, утверждает, что шарф может превращаться в змею, в лестницу, во много чего ещё. Вот только заклинаний, запускающих эту магию, не сохранилось. Вроде бы они должны были быть написаны на язычке, где всякие условия стирки, но стерлись. Так что я ношу этот шарф просто как шарф, хотя порой он и начинает вытворять всякие фокусы.

Очень люблю порядок. Сдвиньте карандаш на моём столе на сантиметр — и я это сразу обнаружу. Почистите зубы моей пастой — и я это тоже определю, потому что завинчиваю крышку пасты ровно на два оборота.

Я ненавижу фотографироваться. Ненависть к фотографированию столь сильна, что меня нельзя сфотографировать даже случайно. Я ухитряюсь ускользнуть как угорь от всех направленных на меня объективов. И на всех фотографиях всегда получаюсь со спины или со смазанным лицом. Возможно, у меня комплексы по поводу моей внешности, оставшиеся со средних классов школы, когда я носила на зубах безобразные скобки и стояла на физкультуре самой первой. Вначале я, потом мальчик-гигант с говорящей фамилией Орков, который в шестом классе весил сто два килограмма, а потом уже все прочие. И эти прочие кривлялись как обезьяны. Поэтому я не люблю школьников, и вообще детей терпеть не могу. Дети — это беспорядок, ужас и кошмар.

В школе я училась самой обычной, человеческой, потому что мои родители были магоборы. Старались использовать магию как можно реже, считая, что любое её применение ис-

черпывает жизненные силы мира. «Всякий раз, как ты взглядом задвигаешь шторы, вместо того чтобы встать и сделать это руками, где-то в Атлантике всплывает брюхом кверху одна сельдь, у которой ты отняла жизненную энергию!» Если б ты знал, дорогой дневник, как часто они это повторяли!

С родителями у меня вообще всё сложно. Пока я росла, они никогда громко не ссорились, чтобы не подавать мне дурной пример. Только начинали говорить тихими голосами. Опустят глазки в стол и что-то бубнят каждый по своей программе, совершенно друг друга не слушая, а на столе вдруг начинает кипеть вода в чашках, плавится соль, дымитесь полировка. И не надо мне, пожалуйста, говорить, дорогой дневник, что в это время в Атлантике сдыхает какой-нибудь китёнок! Про сельдь я и вовсе не говорю! Она небось стаями целыми всплывала!

Мои родители занимались (и занимаются!) темпоральным продакт-плейсментом. Вещь невероятно сложная. Например, клиенту нужно, чтобы Ленин, поднявшись на броневилок во время своей исторической речи у Финского вокзала, похрустел чипсами «Жмотс» или выпил чашечку чая «Хлюптон». Или Бонапарт, проиграв битву при Ватерлоо, воскликнул бы: «Франция потеряна, но у меня осталась ещё бутылочка коньяка “Наполеон”!» Представляете, как сложно уговорить Ленина или Наполеона на такую чушь — притом что материальное перемещение в прошлое возможно лишь на десятые доли секунды и воздействовать на этих товарищей можно только снами?

Но мои родители — хорошие специалисты, дело своё знают и получают кучу магров. Вот только мне они давали всегда сущие капы, а все заработанные магры вкладывали в спасение редких видов магических животных. Причём глава фонда, в который они отдавали магры, потом сбежал с русалкой (проклятые русалки! они повсюду!), а заодно и со всей кассой фонда — и опять у нас дома дымилась полировка, потому что родители выясняли, кто из них виноват больше.

У меня куча всяких фобий и просто бзиков. Я не люблю, когда со мной спорят, не переношу громких звуков и выяснения отношений, ненавижу трусов. У меня обострённое чувство справедливости. Если при мне обижают ребёнка или животное, я выхожу из себя и немедленно спешу на помощь. И это при том, что детей я, повторяю, терпеть не могу.

Ну о чём тебе ещё рассказать, дорогой мой, единственный друг? Чем тебя огорчить? Жить тебе осталось недолго. Банка с кислотой, в которой я тебя растворю, уже готова!

Из уничтоженного дневника Настасьи № ...

Глава 1

ШЛЕМ-БАЦИНЕТ

Отец семейства разбудил утром члена семейства Ивана Чехова и послал его без штанов в сарай за штанами. По поводу сих штанов между отцом и членом семейства последовало препирательство, закончившееся тем, что член семейства отправился в сарай и начал там искать штанов, а отец семейства последовал за ним и по-таганрогскому начал учинять мордобитие. Оскорблённый таким жестоким обращением, член семейства Иван Чехов, 17 лет, разверз гортань и начал во всю мочь апеллировать. Сбежавшиеся на крик хозяева дома и члены семейства заставили отца семейства устыдиться и отпустить члена. За сим последовало со стороны хозяев дома объяснение и внушение с указанием на ворота, при чём отец семейства невиннейше улыбался...

*Из письма Александра Чехова
Антону Чехову*

Застеленная ковром лестница ведёт на второй этаж и вливается в гостиную. Хорошая лестница, с прутьями, прижимающими ковёр, чтобы не скользил. Вот только в прихожей нет медвежьего чучела с блюдом для визитных карточек. Ну, это в домах побогаче, в таких как у графа Толстого. Хоть и отказался граф от имения, тачает сам себе сапоги и после доходит пешком от Хамовников до самой Тулы, а вот от пары английских скаковых лошадей отка-

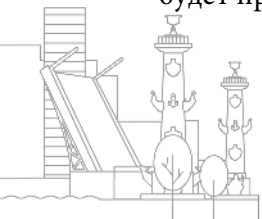

заться не смог, да и от медведя с блюдом тоже, за что над ним добродушно и любовно посмеивается вся Москва. Чудит его сиятельство!

Но и без медведя гостиная хороша. Окна украшают лиловые ламбрекены. Между ними — круглые часы. На подоконнике — азалии, фикусы и кактусы. Лишь недавно, при пореформенном крахе, постигшем крупное дворянство, эти заморские растения вышагнули из обветшавших княжеских оранжерей. В провинцию пока толком не проникли, там по-прежнему царят герани, да и по Москве не совсем ещё расселились. Бережно передают из дома в дом черенки фикусов, померанцев и лимонных деревьев. Идёшь к невесте — не шли ей осетрины и громадного букета роз, как пошлый охотнорядский купчина, а, поцеловав пухлую ручку суженой (правая промыта дорогим французским мылом из Варшавы, а левая, для душистости — огуречным рассолом), презентуй крохотного живого кактусёнка, завёрнутого в страницу из «Отечественных записок» или «Инвалида». Ахов-то будет сколько! А радости! Только смотри, чтоб живой кактусёнок был, не примятый, не примороженный, с корешком — не то басистые рыдания пожилой тридцатипятилетней тёщи заглушат робкую благодарность шестнадцатилетней невесты.

А вот и столовая. Светло-жёлтые обои. Керосиновая лампа на буфете. На стене — карта России, на которой она занимает почти целый континент. Застенчиво жмутся к стеночке европейские государства. Умные французы, недавно открывшие науку статистику, уже подсчитали: к середине XX века население Российской империи составит 600 миллионов.

Золотой век! Империя ещё стоит, Александр III ещё правит. Лучший монарх во всей русской истории — спокойный, мудрый, победительный богатырь. «Когда русский царь ловит рыбу, Европа может подождать», — это его фраза. И здесь, на Садовой, в Кудрине, против 4-й гимназии, в доме Корнеева, он будет править всегда.

Но, увы, это лишь здесь, в красном особняке, прижавшемся к глухой стене соседнего дома. Снаружи уже всё по-другому. Едут по Садовому кольцу туристические электробусы, везут в дом Чехова бесконечные экскурсии, и школьники засовывают жвачку под кованный декор перил.

* * *

За большим столом сидели четверо: Бермята, Настасья, Филат и Ева. Пятый обитатель музея — химера Гризельда — лежала на полу и, касаясь колен львиной лапой, занималась обычным шантажом. Не поймёшь намёк львиной лапы — козья морда изжуёт скатерть. Козью морду не услышишь — выползет на скатерть змеиный хвост. Так что хочешь не хочешь, а давай сюда куриную ножку.

Бермята готовил что-то среднее между поздним завтраком и ранним обедом. Небольшой омлет из тридцати яиц и бутерброды с расплавленным сыром из разрезанного вдоль батона. Из целого белого их обычно получалось два: главное — вовремя выключить микроволновку... Ой, у Антона Павловича в доме её, разумеется, не было! У него и датчики движения на окнах не стояли. Это уже скромная дань современной эпохе вкуче с холодильником и скороваркой. Причём варит скороварка действительно скоро — джинн на барахолке, у которого её купили, клялся, что внутри скороварки — пропавший камчатский вулкан. И правда, запахи из неё порой прорываются самые вулканические, а на дне кипит лава.

Настасья тщательно чистила перепелиное яйцо. У них с Бермятой была совершенно противоположная концепция в отношении еды. Бермята ел всегда быстро, часто стоя или на ходу, и все считали, что он голодный. Настасья же по два часа намазывала себе какой-нибудь бутербродик, украшая его укропом и двумя икринками, и все были уверены, что она только и делает, что объедается.

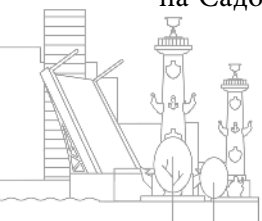
— Смена активностей! Мы можем наконец перестать есть и заниматься чем-то полезным? Я ощущаю себя мудрой матерью двух взрослых детей и одного... — Настасья остановила взгляд на Бермяте, — ...вечного младенца!

Бермята деликатно промолчал. Он уже привык, что вечно в чём-нибудь виноват. Даже если он по просьбе Настасьи достанет с неба звезду, потом окажется, что всё не так. Во-первых, звезда слишком большая. Во-вторых, Настасья не просила красного гиганта, а просила что-нибудь маленькое и доброе, вроде солнышка. В-третьих, не просила притаскивать звезду домой и прожигать скатерть. В-четвёртых, можно было не пропадать так надолго. Тебе ведь просто нужен был повод, чтобы исчезнуть? В-пятых, она уже не сильно уверена, что вообще хотела звезду. С таким кислым лицом подарки не делают!

Филат незаметно усмехнулся. Со своей острой стожарской наблюдательностью он давным-давно раскусил эту парочку. Бермята всё делает, Настасья же то впадает в автоспатокинез, то занудствует, то начинает бегать и швыряться подушками и булочками. Это проявление её характера Бермята очень любит и всегда его ждёт.

После истории с хафгуфой прошло несколько недель. Наступил октябрь. Лешак Лёша целыми днями гонял метлой жёлтый лист. Лист подсох, подморозился и уже обрёл шорох. В сентябре шороха не было — сентябрьский лист тяжёлый, с влагой внутри. «Прекрасный месяц!» — говорил стожар. Но у него и ноябрь будет прекрасным, и февраль. Вообще если человек умеет видеть во всём хорошую сторону, никаких прочих дарований ему не надо. Он и так всё получил.

Стожар и Ева жили у Настасьи. Всем вместе было безопаснее: Фазаноль никогда ничего не забывал, а Пламмель, Грун и Белава, поговаривали, вновь объявились в городе. Филату на Садово-Кудринской нравилось больше, чем в убежище на

«Новокузнецкой». Там было мрачно, к тому же стояло такое количество древних стожарских ловушек, что порой они от ветхости срабатывали сами по себе.

Стожар лежал животом на спинке дивана. В руке у него была вилка, на которую он накручивал макароны из далеко стоящей тарелки. Для этого ему приходилось держать вилку кончиками пальцев. Еву, Настасью и Бермяту его многочисленные живописные позы давно не удивляли. Тело стожара гнулось практически как угодно. Он был как ребёнок, прыгающий на остановке и завязывающийся узлом вокруг руки мамы. Даже стул ему нельзя было доверить, чтобы он не сотворил с ним что-нибудь особенное. То спинкой его вперёд повернёт, то взгромоздится на сиденье коленями.

Ева развлекалась с заварным чайником. Выглядел он как глиняный чайничек с четырьмя носиками, но имел некоторые дополнительные свойства. Из одного носика, если залить воду, тёк чай, из другого — кофе, из третьего — какао... Но Еву сейчас больше интересовал четвёртый носик:

— А этот для чего?

— Осторожно! Это аннигилятор! — предупредил Бермята, выхватывая у неё чайничек.

— А как вы в нём завариваете чай? Не боитесь перепутать?

Показывая, что перепутать нельзя, Бермята стал щёлкать по носикам пальцем, и у соседнего с Евой венского стула исчез кусок спинки. Не сгорел, не стал пеплом, не осыпался — его просто стёрло из бытия. Равно как и небольшую часть стены.

Свет Васильевич вытаращил глаза.

— Убоись! Ах ты ген аллельный! — воскликнул он и быстро переставил чайник на буфет. — А стенка — ерунда! Картиной дыру закроем!

Однако перевесить картину он не успел. Снизу кто-то трижды ударил в дверь. Удары были тяжёлые, точно явился Каменный гость. Гризельда, обожавшая пугать и потом облизывать

гостей, вскочила, ринулась к дверям, но внезапно застыла на месте, издала леденящий душу вой и поспешила спрятаться в шкафу.

Бермята и Настасья обменялись красноречивыми взглядами.

— Дохлый хмырь! — воскликнул стожар. — Вы кого-то ждёте в гости?

Настасья покачала головой. Деревянная створка ударилась о стену, и раздувшиеся от сквозняка шторы сообщили, что дверь внизу распахнута настежь. Ступени заскрипели под тяжёлыми шагами.

— Как это мило — не утруждать хозяев! Не стал ждать, пока откроют... — сквозь зубы процедила Настасья.

Бермята торопливо вытащил красный магстолет и спрятал его за спиной. Стожар же, схватив со стола свою тарелку, ласточкой прыгнул за диван.

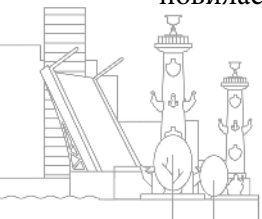
— Я, пожалуй, посижу здесь! А если вас убьют — заем своё горе! — объяснил он.

Ева тоже хотела забиться за диван, но не успела. В столовую грузно вошли рыцарские латы и, лязгнув, остановились. Латы были миланские, хорошей работы. Шлем бацинетного типа, тоже итальянский, чем-то смахивал на маску чумных докторов.

— Стой — или буду стрелять! — предупредил Бермята.

— Ложный утверждений! — прогудел голос из-под забрала. — Что такое «стой»? Во Вселенной нет ни одной неподвижной точки! Как я могу стоять, когда Земля лететь вокруг своей звезда много километров в секунду и дополнительно вокруг оси? Чтобы стоять — надо быстро бежать! Парадокс! А! А! А! Шутка — это когда смешно!

— Спасибо, что объяснили. Мне не смешно! Дверь была закрыта на магическую щеколду. С вас сто магров зеленью, — сухо сказала Настасья. Она внимательно изучала доспехи, скользя взглядом по украшающим их рунам, и отчего-то становилась всё мрачнее.

— Ваша магия не пострадала. Я подобрал ключ. Семь уравнений высшего порядка сводим в одно. Упрощаем. Добавляем ещё два уравнения. Опять упрощаем. Задача решена. Дверь открыта. Вы думали, магия есть — а её нет. А! А! А! Хохот! Я правильно соблюдал необходимый ритуал шутки? Вы думать одно — а оказался другое!

В доспехах что-то загнуло. Они затряслись всеми сочленениями. Настасья села на венский стул и, скрестив руки на груди, терпеливо стала ждать, пока доспехи затихнут.

— Бермята! Убери магстолет! — сказала она.

— Почему?

— Потому что если он поломал стомагровую магию, то подобрать ключ к твоему магстолету он тоже сумел. Он уже прочитал всё, чем ты можешь в него выстрелить...

— Нет, — жизнерадостно сообщили доспехи. — Я просчитал, но стрелять смысл есть! Надо стрелять три раза, потом ждать два секунда, потом стрелять ещё три, и потом ещё два. Всё в комнате будет гореть и разлетаться! Очень... очень... как это называется... сильный деструкция... Боевая магия номер шесть войти в конфликт с магией номер два. Появляться новая магия со сроком жизни 0,002 секунда, и я не могу быстро блокировать магия номер восемь! Тогда... как это сказать? Оставленный время для меня, для вас!

— Смерть, — подсказала Настасья.

Латы произвели шлемом негодующий звук:

— Не понимать, о чём вы говорить. Математически «смерть» не есть финальный уравнений. Все измерений в один точка, в один целостность.

Бермята спрятал магстолет, взял стул с простреленной спинкой и поставил его рядом с доспехами:

— Прошу! Садитесь, раз уж пришли!

Гость провёл пальцем железной перчатки по спинке, потрогал дырку и тяжело опустился на скрипнувший под его тяжестью стул.

